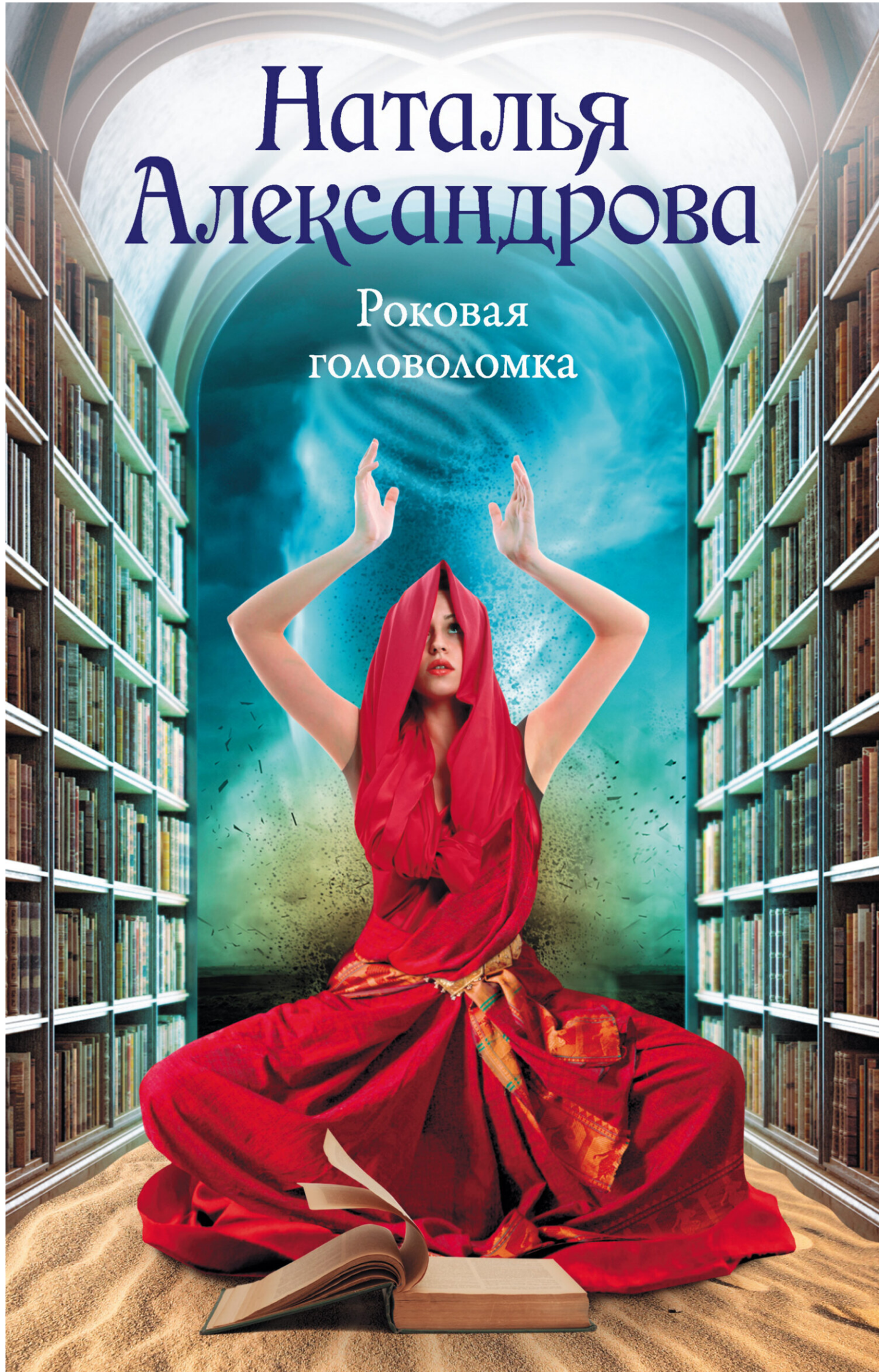

Наталья Александрова

Роковая
ГОЛОВОЛОМКА

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова
Роковая головоломка

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Роковая головоломка / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2021 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-17-135466-4

В конце 30-х годов под эгидой тайного немецкого общества «Аненербе» была сформирована экспедиция на Тибет, где в глухих, малодоступных уголках существовала радикальная секта приверженцев религии юнгдрунг-бон, жрецы которой обладали небывалым могуществом. Тибетские отшельники открыли немцам древние знания, которые могли помочь завоевать мир и установить вселенское господство. Но что это были за знания, до сих пор неизвестно. И почему нацисты не воспользовались тайнами древней цивилизации, чтобы переломить ход войны? В наши дни с последователями юнгдрунг-бон сталкивается питерская домохозяйка Надежда Лебедева. Ей предстоит не только принять участие в поисках драгоценного тибетского артефакта, но и прикоснуться к магической практике древнейшей религии мира.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135466-4

© Александрова Н. Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Наталья Александрова

Роковая головоломка

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

– Все-таки весна! – тихо произнесла Надежда, встав у открытого окна и глубоко вдохнув свежий прохладный воздух.

И хотя внизу еще лежали ноздреватые сугробы вперемешку с лужами, но воробьи уже чирикали, и вороны каркали призывно, и несмелое солнышко пробивалось из-за туч, да и сами тучи были не грязно-серого цвета, как вода после мытья пола, а более светлые, и сквозь них даже пробивались лоскутки бледно-голубого неба.

Надежда отвернулась от окна, отметив, что скоро можно и его помыть, и оглядела комнату. При солнечном свете стала видна пыль и разводы на мебели, а на диване... боже мой, сколько шерсти!

– Бейсик, ты линяешь! – сказала она обреченно.

«И что? – Рыжий котище, вольготно развалившийся на диване, приоткрыл один глаз и глянул презрительно. – Сама же сказала, что весна, а весной коты линяют, это закон природы...»

– Но не столько же! – вздохнула Надежда. – В общем, катись с дивана, пылесосить буду!

Кот и не подумал двинуться с места. Да что там, даже лапой не пошевелил.

– Вот так значит? Ну, пеняй на себя! – Надежда выволокла из кладовки пылесос и с грохотом поставила его посреди гостиной.

С пылесосом у кота были сложные отношения, точнее, как раз очень простые: кот его боялся. Он вообще не любил шума. Так что сейчас Бейсик забеспокоился, посмотрел на Надежду с немим укором и ушел, выражая хвостом и походкой все, что думает о хозяйках, которые нарочно портят котам жизнь.

Надежда трудилась долго и тщательно, поминая линяющего кота недобрим словом. Наконец диван и вообще вся комната приобрели относительно приличный вид. Надолго ли?

Надежда выключила пылесос, потеряла со вздохом поясницу и услышала, что заливается ее мобильник.

Пока она металась по квартире в поисках телефона, тот уже замолк, и нашла его Надежда на кухне, а рядом на табуретке сидел кот и смотрел злорадно.

– Вот никакой от тебя пользы! – в сердцах воскликнула Надежда. – Собака хотя бы принесла мне мобильник. А ты только мышей ловить умеешь, так у нас мышей нет!

«А жаль...» – просемафорил кот желто-зелеными глазами, и Надежде стало смешно.

Однако, посмотрев на экран телефона, она нахмурилась. Звонила старая приятельница Нинка Скоробогатова, причем уже четыре раза, а Надежда не слышала звонка из-за работающего пылесоса. Нинка была женщиной спокойной, отнюдь не нервной, и если так оголтело звонила – стало быть, что-то случилось.

– Ну наконец-то! – Нинка ответила сразу. – Надежда, ты в бане, что ли, была или в бассейне плавала?

– Почему в бане? – удивилась Надежда.

– Потому что нормальные люди только в бане или в бассейне мобильник оставляют, а в остальное время он должен находиться в пределах слышимости.

– Ладно, ну вот она я. У тебя что-то случилось?

– Случилось, – Нина сбавила тон, – ногу я сломала.

– Да ты что? – всполошилась Надежда, а перед глазами уже стояла ужасная картина: Нинка лежит в душевной палате на десять человек, и нога ее в воздухе поддерживается сложной конструкцией с противовесом.

– Ты в больнице?

Выяснилось, что все не так плохо, – сломала Нина только лодыжку, неудачно ступив на ледяную дорожку, гипс наложили легкий, съемный и она может ходить. Правда, пока только в пределах квартиры – на кухню или в ванную, и то недолго. А так нужно сидеть или лежать три недели, пока нога не срастется, и только потом разные процедуры – гимнастика, терапия и так далее.

Пока Нинка подробно описывала эпопею с переломом и врачами, Надежда почти уверилась в своих смутных подозрениях. Снова по ее душу.

Довольно долгое время Надежда Николаевна Лебедева работала инженером в НИИ и, по отзывам коллег, с работой вполне себе справлялась. Но, как говорится, ничто не вечно, институт развалился, а всех сотрудников уволили.

Потом институт снова организовался, многие сотрудники вернулись, однако муж Надежды Сан Саныч и слышать не хотел, чтобы жена снова пошла на работу. Если честно, то Надежде и самой не слишком хотелось таскаться каждый день больше часа в метро или же стоять в пробках, потом тратить уйму времени на бессмысленные разговоры с начальством, сплетни, обсуждение внешнего вида каждой сотрудницы...

Так что со временем Надежда Николаевна смирилась со статусом домашней хозяйки, тем более что у нее появилось очень необычное и увлекательное хобби.

И все было бы прекрасно, если бы не многочисленные знакомые и друзья, которые, узнав, что Надежда больше не работает, буквально завалили ее просьбами отвезти, встретить, принести, забрать, посидеть, передать, впустить в квартиру и проследить, получить и расписаться.

И что ужасно – Надежда Николаевна по природной интеллигентности никому не могла отказать, никому не могла прямо сказать «нет». И поэтому встречала чужую тетю из Череповца, отвозила посылку чужой свекрови, получала из химчистки чужой вечерний костюм, сидела вечер с чужой бабушкой, чтобы выключить ей телевизор перед сном, отводила чужого пятиклассника на занятия, навещала раз в неделю чужого попугая и впускала в чужую квартиру мастера по ремонту электрических плит.

Надежда Николаевна была женщиной общительной, родилась в Петербурге, здесь же училась в школе и в институте, потом работала, так что друзей и подруг, а также просто знакомых у нее было великое множество.

Разумеется, все просьбы сопровождались извинениями и обещаниями: если тебе потом будет нужно, то мы всегда, всегда... Ага, как же! Попробуй обратиться! Человек вроде бы и хочет помочь, но некогда – работа и семья отнимают все время.

У самой Надежды семья в данное время состояла из мужа и кота, поскольку дочка со своей семьей жила в далеком Северодвинске и приезжала в Петербург редко, предпочитая проводить отпуск в более теплых краях.

Однако со временем на совершенно возмутительные просьбы Надежда Николаевна все же научилась говорить «нет». А возможно, знакомые и сами поняли, что к чему, и перестали к ней обращаться. Разумеется, это не относилось к родственникам и паре-тройке самых близких подруг и друзей, для которых Надежда была готова сделать все, что угодно, в любое время дня и ночи.

Нина Скоробогатова к таким подругам не относилась, так что Надежда вполне справедливо испытала легкое недовольство, но хорошее воспитание взяло верх, и она пока слушала молча.

Нинка закончила описание своих мытарств и перешла к делу:

– Надя, у меня к тебе просьба...

– Отвезти тебя на снимок или на очередное обследование? А может, лекарство нужно?

– Что ты! – Надежда мысленно увидела, как Нинка замахала руками. – Туда меня Павлик свозит, если нужно будет. Он и продукты привез, и лекарства, и еще такую штуку... ну, чтобы ходить можно было без костылей... А Павлика Сережа прислал. Такой парень симпатичный, вежливый, машину водит аккуратно...

«Так чего же от меня-то нужно?» – Надежда едва не проорала это вслух, но опять-таки совершенно некстати напомнило о себе хорошее воспитание.

Возмущение Надежды Николаевны было совершенно понятно. С Нинкой они были знакомы давно, еще с учебы в институте. Не то чтобы близко дружили, но общались через общих знакомых. Нинка вышла замуж почти одновременно с Надеждой и родила чуть позже. Надежда помнила, что отдала ей дородовое платье – жуткий балахон болотного цвета, самой Надежде он тоже от кого-то достался, как переходящее знамя. Нинка с мужем жили как все – работали, сына растили.

Прошли девяностые, потом настали двухтысячные, и вот тут-то все изменилось. Семья получила в наследство квартиру от какой-то дальней родственницы – не то тетки, не то двоюродной бабушки, муж Нины квартиру удачно продал, вложил деньги в дело и неожиданно быстро разбогател, полностью оправдав свою фамилию.

Нинка с радостью бросила работу и занялась собственной внешностью и сыном. Однако частные клиники ей быстро надоели, да и муж сказал, что не желает видеть дома такое чучело – либо челюсть подвязана, как у покойника, либо вообще вся морда в синяках, и поди докажи, что не он, муж, тебя побил.

Большинство подруг, увидев ее одежду, машину и драгоценности, быстро схлынули, остальные отсеялись после посещения загородного дома в элитном поселке.

Нинка завела новых друзей, но не слишком преуспела, проболтавшись как-то Надежде, что ее не привлекает марафон косметических подтяжек и посещение клубов. По натуре своей она была домоседкой, любила рукоделие под телевизор.

Муж много работал и от нее требовал только пригляда за сыном. Нина сосредоточилась на его воспитании, но не слишком в этом преуспела – не помогли ни репетиторы, ни частные школы, парень вышел если не полным дураком, то фантастическим лентяем, которому абсолютно все, по его же собственному выражению, было по фигу.

Папа оплатил аттестат и институт, но, проучившись полгода, сыночек слинял не то в Таиланд, не то на Бали, не то вообще в Индию, да так там и затерялся.

Изредка от него приходили сообщения с просьбой прислать денег, но суммы были вполне скромные, так что отец махнул на сына рукой и высылал деньги раз в два месяца.

С самой Нинкой он тихо развелся – без шума, скандалов и долгого дележа имущества. Поселил ее в отлично отремонтированной новой квартире, положил хорошее содержание, отдельно оплачивал отпуск и дорогие покупки, а также приглядывал, чтобы не втерся к бывшей к жене в доверие какой-нибудь хлыщ, которого она сдуру пропишет с правом на жилплощадь.

По рассказам общих знакомых Надежда поняла, что сама Нина восприняла эти изменения с философским спокойствием. Они как-то столкнулись на Невском, посидели в кафе, поболтали. Нина выглядела вполне довольной своей переменившейся жизнью, устроилась куда-то на два вечера в неделю вести кружок мягкой игрушки, дома же вышивала гладью, раскладывала пасьянсы и собирала пазлы.

– Так что тебе нужно-то? – не слишком приветливо спросила Надежда.

– Надя, ты не могла бы... не могла бы привезти мне новый пазл? – спросила Нинка и тут же затараторила: – Понимаешь, сижу тут, делать совершенно нечего, все пазлы уже собрала по два раза. Шить не могу, потому что педаль у машинки ногой не нажать, вышивать тоже как-то неудобно...

Надежде стало стыдно. Все же человек со сломанной ногой, нужно помочь.

– Ладно, заеду в магазин, говори, какой нужно!

Тут же выяснилось, что в магазине ничего приличного давно уже нет и по каталогу тоже Нинка уже все перебрала. Она искала на сайте, где продают подержанные игры, и там нашла два замечательных пазла. Деньги уже давно перевела тому человеку на карточку, нужно только приехать к нему и забрать.

– Ты извини, что я тебя нагружаю, – сказала Нина смущенно, – просто неудобно к Сереже с таким пустяком обращаться. Он категорически против, когда я что-нибудь подержанное покупаю. Говорит, мало ли через какие руки прошло...

«А ко мне, значит, с таким пустяком удобно», – сварливо подумала Надежда и тут же сообщила, что Нинке просто не к кому больше обратиться.

Надежда Николаевна Лебедева никогда никому не завидовала. Просто не умела, да к тому же была твердо убеждена, что у нее есть все для счастья: любящий и заботливый муж, удобная квартира, дача, дочка и внучка (хотя и редко она их видит, но в этом тоже можно найти кое-что хорошее).

Мама была жива и относительно здорова, жила по полгода на даче, и навещать ее можно было только раз в неделю (что тоже неплохо – меньше слушать ее ворчание и не гнуть спину на грядках). Иногда бывало скучновато, но имелось у Надежды своеобразное хобби, которое делало жизнь наполненной и интересной, а некоторая опасность только добавляла адреналина в кровь.

Так что в данный момент из разговора с приятельницей Надежда Николаевна поняла, что Нинка, в общем-то, одинока, обратиться ей, похоже, не к кому, а Надежду она вызвонила потому, что та слыла среди знакомых невральной и добросердечной, и Нинка была уверена, что та ей не откажет в просьбе.

Что ж, делать нечего, придется ехать.

– Ладно, давай его телефон, пересечемся где-нибудь у метро.

– Ну...

Выяснилось, что пересечься никак не получится, поскольку этот мужчина, Михаил, в данное время не выходит из дома.

– Что, тоже ногу сломал? – не удержалась Надежда.

Нинка предпочла не услышать в ее голосе сарказма.

– В общем, Надя, записывай адрес. Улица Некрасова, дом двадцать семь, это напротив Большого театра кукол. Вторая подворотня. Вход в квартиру из подворотни. Номер семнадцать. Сказал, что будет ждать с двух до трех.

– А потом куда денется? – возмутилась Надежда. – Он же из дома не выходит.

– Ну не знаю...

И снова Надежда буквально стиснула зубы, до того ей захотелось послать Нинку подальше. Но что уж теперь...

Она долго шла от метро по улице Некрасова, пока не обнаружила нужный дом. И театр напротив, все верно. Кованые ворота были закрыты на кодовый замок, но тут как раз выезжала машина, так что Надежде повезло и она быстренько проскочила. Первый двор был самый обычный: чистенький двухэтажный флигель в стороне, два мусорных бака, гараж и песочница, куда дворник в зимнее время сбрасывал снег, так что получилась не песочница, а горка, какие раньше делали жилыцы в каждом дворе. Еще и каток небольшой заливали, если место позволяло.

Надежда едва углядела вторую подворотню в углу двора и целеустремленно направилась туда, поскольку время поджимало. Вдруг этот самый Михаил и правда уйдет? Не хватало еще зря проехать, столько времени потерять!

Вторая подворотня не запиралась, и Надежда тут же увидела нужную дверь, к которой вели три ступеньки, прикрытые вытертым ковриком. Дверь была старая, железная, крашеная очень давно. Большое ржавое пятно на ней отдаленно напомнило Надежде карту Африки.

Надежда Николаевна деликатно нажала на звонок – никакого ответа. Нажала посильнее, потом позвонила три раза и прислушалась. Звонок, несомненно, работал, только вот не слышно было ни шагов, ни звука отпираемых замков. Неужели Михаил уже ушел?

Стрелки на часах показывали четверть четвертого. Есть такие люди, которые нарочно сидят и ждут, глядя на часы, и как только пройдет минута после назначенного срока – так сразу уходят, таким образом якобы показывая, что очень заняты и не намерены терять свое драгоценное время.

Ага, как же, очень он занят! А эта идиотка Нинка заранее перевела ему деньги! Это же надо было до такого додуматься! Может, этот Михаил вообще жулик, да и не Михаил вовсе! А Надежда, как полная дура, таскалась в такую даль зря!

Со злости Надежда Николаевна бухнула в дверь ногой, и тут же оттуда послышалось недовольное:

– Кто еще? Вот я тебе постучу!

– К Михаилу насчет пазлов! – закричала Надежда, ожидая, что сейчас из-за двери скажут, что никакого Михаила тут нет и шла бы она куда подальше.

Но вместо этого загремели замки и дверь отворилась. На пороге стояла тетка в вылинявшем фланелевом халате. На голове у нее была косынка, из-под которой торчали большие пластмассовые бигуди. На ногах у тетки красовались самые настоящие резиновые галоши. И не такие, какие покупают огородники (нарядные, разных цветов и фасонов), а старые, производства фабрики «Красный треугольник» – черные, с малиновой подкладкой.

– А Мишки нет, – сказала тетка хриплым, прокуренным голосом, и Надежда углядела у нее на левой щеке здоровенный, уже пожелтевший синяк.

– А... он ничего не оставлял, чтобы передать? Мы с ним договаривались! – искательно спросила Надежда, представляя, что выскажет Нинке по телефону, а затем бросит трубку и занесет ее номер в черный список.

– Вроде есть что-то... – неохотно сказала тетка и посторонилась, впуская Надежду.

За дверью обнаружилась довольно большая полутемная прихожая, отгороженная самодельной стенкой, не достигающей до потолка, в которой была дверь – узкая и по виду картонная.

– Жди здесь, – строго велела тетка и ушла, оставив дверь полуоткрытой.

Против воли Надежда заглянула внутрь и увидела большое пространство без окон, где были свалены разные предметы – спинки от кровати, ломаные стулья, картонные коробки. Тетка удалилась куда-то в глубь этого пространства, откуда послышались шуршание и ворчание, и наконец вышла, прижимая к груди коробку, завернутую в старую газету.

– Вот! – сказала она. – Вроде это самое.

– Деньги Михаилу уже перевели, – заторопилась Надежда.

– Ну ладно, это все меня не касается!

Тетка вручила ей сверток и выпихнула за дверь. Надежда еле-еле успела подхватить выпавшую перчатку.

«Могло быть хуже!» – подумала она и заторопилась уходить.

– Ой, Надя, как я тебе благодарна! – встретила ее Нинка.

– Ну и видок у тебя! – не удержалась Надежда Николаевна.

Нина передвигалась с помощью странного прибора – спереди блестящие металлические трубы, которые не давали упасть, а сзади небольшое сиденье на колесиках, если устанешь.

– Вот как старушенция ста лет, – тяжело вздохнула Нина. – Ну, это временно.

Надежда разделась, понадеявшись, что ее хоть чаем напоят, а то с утра уборкой занималась, потом полдня по городу ездила, есть хотелось – спасу нет!

Нина бодро направилась в комнату, развернула сверток и увидела потертую, засаленную картонную коробку.

– Что это? – спросила она, брезгливо отбросив пожелтевшую от старости газету, и попыталась открыть коробку.

Это удалось не без труда, однако на пол и ей на колени тотчас посыпались кусочки пазла.

– Что это? – повторила Нина.

У Надежды возникли сомнения по поводу тихого чаепития с перемыванием косточек общим знакомым. Похоже, она не только чаю не получит, но и воды простой тут не нальют.

Нинка между тем шарилась в коробке, потом потрясла ее и даже попыталась разорвать.

– Надя, что ты мне принесла? – спросила она с отчаянием в голосе.

– Как что? Пазл. Вот же кусочки валяются.

– Это не тот пазл! – закричала Нинка истеричным, срывающимся голосом. – Я заплатила за два замечательных пазла! Один – рыцарский турнир, второй – японский садик! А это что такое? – Она схватила горсть кусочков и бросила на пол. – Какая-то абракадабра, а главное – картинки нет!

– Слушай, куда ты меня послала, туда я и поехала... – Надежда потихоньку накалялась. – Адрес не перепутала, спросила Михаила, его не было, и женщина мне отдала то, что он оставил. Так что с него и спрашивай! Нечего было деньги заранее переводить!

Но Нинка ее не слушала, в исступлении трясла коробку.

– Нет картинки. Ты что, проверить на месте не могла? Ничего нельзя поручить!

– Что-о?

Конечно, Надежда Николаевна была женщиной интеллигентной и воспитанной и славилась ровным, выдержанным характером, но злить ее не следовало, а уж на открытое хамство она реагировала мгновенно.

– Вот что, Нинель!

Ну да, полное имя Нины было Нинель, и она его не любила.

– Вот что, дорогая моя, – повторила Надежда напряженным голосом. – Ты, видно, перепутала меня со своими мальчиками на побегушках. Вот на них ори и посылай куда хочешь. С игрушками своими разбирайся сама, а меня уж уволь! И больше ко мне не обращай ни по какому поводу.

– Это не игрушки! – обиделась Нина. – Я этим живу!

– Не помрешь!

С этими словами Надежда схватила сумку и пальто и ушла, хлопнув на прощание дверью как можно громче.

Всю обратную дорогу она кипела от ярости. Надо же, потратила кучу времени, а что получила вместо благодарности? Сплошное хамство.

Нинка совсем обнаглела, привыкла, что все привозят и приносят. Надо же, как бывший муж о ней заботится, пылинки сдувает! Даже странно.

Тут мысли Надежды естественным образом перешли к ее собственному мужу. Сан Саныч скоро должен вернуться с работы, а у нее и ужина толком не было.

От метро она бежала бегом, так что даже соседка Антонина Васильевна, которая, как всегда, ошивалась возле подъезда, озаботилась, уж не случилось ли что, но Надежда только отмахнулась.

Сан Саныч очень удачно застрял в пробке, так что Надежда до его прихода успела запечь курицу и отварить рис, и даже соус бешамель на этот раз получился без комков.

Она думала, что выбросила Нинку с ее хамством из головы навеки, но – странное дело! – нет-нет да скреб душу червячок сомнения. Надежда Николаевна не любила расставаться с людьми вот так, со скандалом. Нинка, конечно, поступила с ней по-свински, но и она, Надежда, оказалась не на высоте. Нужно было не орать, а уйти молча, сохранив достоинство.

И потом, если отбросить последнюю встречу, то Нинку все-таки было жалко. Сидит одна, пазлы собирает, ни с кем не общается, тем более сейчас, когда ей из дома не выйти. Бывший муж вроде бы заботится, однако не лично навещает, а посылает своего порученца.

Когда болеешь, то как раз родственники нужны, а у Нинки не было ни сестры, ни брата. И сын затерялся где-то на азиатских просторах.

В общем, два выходных дня Надежда промаялась, так что даже муж начал посматривать озабоченно и поинтересовался, все ли у нее в порядке и как самочувствие.

В понедельник утром, когда Надежда уже поглядывала на мобильник, думая, позвонить Нине или ограничиться текстовым сообщением, телефон зазвонил и на экране высветился Нинкин номер.

– Надя! – Голос у Нинки был какой-то преувеличенно радостный. – Надя, ты не представляешь! Я его собрала! – И поскольку Надежда молчала, продолжила: – Я собрала его без картинки, представляешь? Сначала думала, что не смогу, а потом было такое чувство, что фрагменты пазла сами укладываются! Как будто кто-то водил моей рукой!

Надежда подумала, что Нинка окончательно сдвинулась на своем хобби. Ну можно ли приходить в такой восторг оттого, что собрала очередной пазл?

– Рада за тебя, – холодно сказала она. – Ну, раз вопрос закрыт, то...

– Надя, не бросай трубку! – закричала Нинка. – Ты должна обязательно его увидеть!

– Еще чего... – не выдержала Надежда.

– Это такое, такое... – захлебывалась Нинка, – это что-то потустороннее!

– С тобой все в порядке? – Надежда Николаевна даже немного встревожилась. – Как твоя нога?

– Нога как была, и с головой тоже все в порядке, – ответила Нина нормальным голосом. – Надя, я понимаю, что вела себя по-свински, и больше ни о чем не попрошу, но приезжай, ты должна это увидеть. Это не мне нужно, а тебе!

«Да на кой черт мне это нужно!» – в сердцах подумала Надежда, но услышала в голосе Нинки нечто такое, что неожиданно для себя согласилась приехать. Ведь не отстанет же! Заодно и помириться с ней следовало, чаю выпить да и распрощаться по-хорошему.

Надежда Николаевна подошла к Нинкиной двери и нажала на кнопку звонка. За дверью прозвучала жизнерадостная трель, но – ни голоса, ни звука шагов, ни скрипа ходунков по паркету.

Впрочем, нет – откуда-то из глубины квартиры доносились невнятные голоса.

Надежда немножко подождала и позвонила еще раз – так же безуспешно. Уйти куда-нибудь Нинель не могла из-за ноги, опять же, эти голоса за дверью... Надежда пожалала плечами и вполголоса пробормотала:

– Заснула она, что ли...

Ей вовсе не улыбалось встречаться с кем-то еще, к примеру с бывшим мужем Нинель, которого Надежда едва помнила, а уж он-то ее точно давно забыл. Ну, Нинка в своем репертуаре! Сначала пристала чуть ли не с ножом к горлу, чтобы Надежда приехала, а теперь и дверь не открывает.

В расстроенных чувствах Надежда Николаевна легонько толкнула дверь, и та приоткрылась. Должно быть, Нина заранее ее открыла, чтобы не заставлять гостью ждать, пока сама доковыляет в прихожую. Что ж, весьма разумно!

И хотя Надежда Николаевна знала, что открытая дверь может означать что-то плохое и входить в эту дверь бывает опасно, тем не менее вошла в квартиру и жизнерадостным тоном провозгласила:

– Нин, это я, Надежда, пришла, молочка принесла! То есть пирожных к чаю.

Никто не отозвался, только голоса в глубине квартиры стали чуть громче. Определенно, к Нине кто-то пришел, и она так увлеклась разговором, что ничего не слышала.

Надежда разулась, надела предусмотрительно оставленные на коврик у порога домашние тапочки и пошла на звук голосов, доносившихся из-за двери гостиной, где Нина проводила целые дни. Но чем ближе Надежда подходила к комнате, тем голоса казались ей все более странными, все более неестественными.

Она открыла дверь и сразу поняла, в чем дело.

В гостиной работал телевизор, и на экране две удивительно неприятные женщины фальшивыми, искусственно возбужденными голосами обсуждали какую-то высосанную из пальца проблему. То ли четвертый брак какой-то знаменитости, то ли чьих-то приемных детей...

– Нин, ты что, это смотришь? – с невольным неодобрением проговорила Надежда, оглядывая комнату.

Нинки, однако, здесь не было.

Надежда шагнула вперед, увидела на тумбочке пульт от телевизора, в сердцах схватила его и нажала на красную кнопку, при этом негромко пробормотав:

– Ты уж извини...

Экран погас, и в комнате наступила блаженная тишина.

Надежда облегченно вздохнула и снова огляделась. Нины в комнате действительно не было.

Или...

Ближе к окну, на самом светлом месте комнаты, стоял большой стол, на котором Нина раскладывала пазлы, вот только самого пазла на столе не было.

Надежда подумала, что Нина убрала его обратно в коробку, хотя это было странно, ведь она хотела похвастаться своим достижением перед Надеждой.

Вот всегда у нее так: заманила – приезжай срочно, ты должна это видеть, а сама...

Надежда потихоньку начала злиться, однако в эту минуту увидела еще кое-что.

Из-за стола торчала нога в теплом шерстяном носке с вывязанной на нем собачкой породы чихуахуа, которая приветливо улыбалась Надежде. Точно такие носки были у Нины, обожавшей рукоделие.

Надежда Николаевна шагнула вперед, чтобы рассмотреть ногу и все остальное... и схватилась за сердце.

Рядом с ногой в шерстяном носке находилась вторая, упакованная в хитрую пластиковую конструкцию – то ли лубок, то ли лангетка, в общем, нечто, заменяющее традиционный гипс. А на полу, между окном и столом, лежала сама Нинка, Нинель Скоробогатова, в домашнем плюшевом халате небесно-голубого цвета. Глаза ее были закрыты, а на полу вокруг головы растеклась лужица темно-красного цвета.

Надежда охнула – а кто бы на ее месте не охнул? – но самообладания не потеряла. Не такая женщина Надежда Лебедева, чтобы терять самообладание в критической ситуации. Опустившись на колени, Надежда схватила Нину за руку, сжатую в кулак, чтобы нащупать пульс, при этом кулак разжался и из него выпала какая-то маленькая плоская вещица размером с почтовую марку. Надежда машинально ее подобрала и сунула в карман, после чего нащупала-таки пульс.

Пульс был слабый и неровный, но он все же был, а значит, Нина, слава богу, жива.

Надежда вскочила, трясущимися руками нашла свой телефон и вызвала «скорую помощь».

– Женщина упала и, видимо, разбила голову! – проговорила она торопливо. – Она без сознания, крови много!

– Бригада выехала! – ответил ей ко всему привычный голос. – Ждите, скоро будут!

Надежда перевела дыхание и снова осмотрелась. Надо же, как Нинке не везет! Мало того что ногу сломала, так теперь еще и голову разбила... Причем упала не на камень, не на порог, а на обычный паркет в собственной квартире, и столько крови... даже странно.

Было во всей этой ситуации и еще что-то непонятное, но волнение мешало Надежде сосредоточиться. Смотреть на пострадавшего человека и понимать, что не можешь ему помочь...

Надежда твердо знала, что пострадавшего нельзя переворачивать и трясти. А вдруг у Нины еще и позвоночник сломан? Ой, не дай бог!

Тут она спохватилась, что «скорой» понадобятся Нинины документы, проверила выдвижной ящик серванта и почти сразу нашла паспорт и медицинский полис.

Еще раз проверила пульс, тревожно оглядела бледное как полотно Нинино лицо... и в эту минуту в дверь позвонили.

Надежда Николаевна бросилась в прихожую ипустила в квартиру двух усталых парней в медицинской униформе.

– Быстро вы!

– Мы близко находились... Где больная?

Быстро оглядев Нинель, медики уложили ее на складные носилки, куда-то позвонили, переговорили вполголоса и взяли у Надежды документы.

– Что с ней?

– Да кто же так скажет... – ответил молодой врач. – В больнице разберутся, МРТ сделают, снимки всякие...

– Можно, я с вами поеду? – неуверенно предложила Надежда.

– Нельзя! – отмахнулся медик. – В реанимацию никого не пускают, особенно сейчас!

– А как же мне узнать...

Но медик перебил ее:

– По телефону! Звоните в справочную больницы.

– Да хоть в какую больницу вы ее повезете?

– В больницу Святого Сампсония.

– Это бывшая Третья городская, на Нагорной улице! – добавил второй.

Подхватив носилки, парни покинули квартиру.

Закрыв за медиками дверь, Надежда снова огляделась.

Собственно, ей нечего было здесь делать, но покинуть квартиру в таком состоянии она просто не могла. Надежда подняла валявшийся на полу стул, положила на место диванную подушку и усталилась на пятно подсыхающей крови. Надо ее замывать, решила она, а то кровь совсем засохнет и пятно останется надолго. И запах тут такой отвратительный, как в мясном магазине или на скотобойне. Опять же, когда Нина вернется из больницы, ей будет неприятно это напоминание о своем несчастье.

Надежда нашла половую тряпку, склонилась над пятном – и тут увидела на полу отпечаток ноги. Собственно, даже полтора отпечатка определенно мужского ботинка с рубчатой подошвой. И рисунок такой непростой...

Очень странно.

Причем отпечатки были оставлены поверх пятна крови, а значит, их обладатель побывал здесь после того, как Нина упала и разбила голову.

Медики? Но Надежда хорошо помнила, что оба были в голубых пластиковых бахилах.

Значит, какой-то неизвестный мужчина побывал в квартире после падения хозяйки, но до прихода Надежды. И не помог Нине, не вызвал «скорую»... А может, он и виноват в том, что произошло?

Вообще, с чего бы Нина вдруг упала в собственной гостиной? Конечно, человек со сломанной ногой ходит медленно, плохо и вообще неустойчив, но Нина была очень осторожна и пользовалась ходунками или, на худой конец, палкой... Вон, кстати, и ходунки в углу стоят... и палка там же.

Нет, что-то здесь не так! Тут Надежда вспомнила, что, когда она пришла, дверь была открыта. Значит, Нина впустила незнакомца сама, но почему-то до двери дошла без подпорки... Или так: торопилась на звонок и упала. Но тогда кто открыл дверь? Странно, очень странно...

Надежда на всякий случай сфотографировала отпечатки обуви на телефон и еще раз осмотрела квартиру, желая убедиться, не пропало ли что-то ценное.

Первым делом она снова выдвинула ящик серванта, в котором искала Нинины документы. Там же, под стопкой разных бумаг, она нашла деньги – не слишком много, но все же, если бы в квартире побывал грабитель, он их не оставил бы.

В спальне, в прикроватной тумбочке, она нашла золотое кольцо и пару сережек с небольшими бриллиантами. Их злоумышленник тоже не обошел бы вниманием. Да, помнится, были у Нинки дорогие украшения, но, наверное, по совету мужа она не хранит их в квартире. Что ж, разумно.

В прихожей Надежда нашла Нинину сумку. Здесь были ключи от квартиры и кошелек. В кошельке тоже лежали деньги, а в отдельном кармашке – две банковские карточки. Да, это грабитель тоже не оставил бы.

Надежда сунула ключи в карман – и нащупала там маленький плоский предмет размером с небольшую почтовую марку. Ах, ну да – этот предмет она нашла в Нининой руке. Маленький, точно не картонный, а из какого-то твердого и притом легкого материала, напоминавшего пластмассу или кость.

Разглядев его, Надежда поняла, что это деталь от пазла. Видимо, от того самого, который незадолго до того она привезла Нине. Вот интересно – а где же сам пазл?

На столе его не оказалось, притом что Нина в телефонном разговоре похвасталась Надежде, что успешно его собрала и хотела показать...

Определенно, здесь что-то не то!

Из квартиры ничего не пропало, кроме пазла? Но кому он мог понадобиться?

Решив еще раз обойти комнату за комнатой, она вошла в спальню и услышала, как из-под кровати доносится писк – такой издает мобильный телефон, когда на него приходит сообщение. Надежда заглянула под кровать – и действительно увидела на полу телефон...

По дороге домой Надежда Николаевна усиленно размышляла и все больше приходила к мысли, что дело нечисто. Если допустить, что Нина упала сама, то отчего была открыта дверь и откуда взялись следы в луже крови? Опять же, куда делся пазл? Сваливать на соседа-пьяницу, который зашел в открытую дверь и стащил что плохо лежит, было глупо. Во-первых, дом у Нины был относительно новый, квартиры хорошие, и люди в нем жили вполне приличные. И во-вторых, алкаш прежде всего прихватил бы деньги, а они были на месте.

Надежда очнулась от мыслей и почувствовала легкое покалывание в корнях волос, а это означало, что она опять столкнулась с криминальной загадкой, которую непременно нужно разгадать.

А Надежда обожала разгадывать криминальные загадки, расследовать преступления и помогать людям выпутываться из сомнительных ситуаций, причем не всегда по их просьбе.

Сан Саныч такое увлечение жены не одобрял, не без основания считая его опасным, и говорил, что рано или поздно это плохо кончится. Разумеется, он был прав, но Надежда ничего не могла с собой поделать, криминальные дела сваливались на нее сами собой, как снег на голову. Можно было, конечно, и мимо пройти, не заметив или сделав вид, что не заметила, но, по утверждению Сан Саныча, Надежда сама находила эти загадки по принципу «найдет свинья грязи».

Надежда тогда очень обиделась на «свинью», брошенную мужем в сердцах, и разразился скандал, после чего Надежда Николаевна приняла мудрое решение ничего мужу не рассказывать. А себя утешала тем, что не обманывает его, а просто умалчивает, что вовсе не одно и то же. (А если и лжет, то во спасение семейной жизни.)

Так или иначе, но за несколько лет Надежда успешно раскрыла несколько интересных дел и могла бы собой гордиться, если бы не боялась, что муж узнает и тогда обычной ссорой дело не кончится, может дойти и до развода. Тем не менее справиться со своим увлечением она не могла, и как только на ее пути встречалась криминальная загадка, уши Надежды Николаевны сами собой становились торчком, как у породистой овчарки, ноздри раздувались, а это значило, что Надежда если и не взяла след, то сделает все возможное, чтобы этот след взять. И все благие намерения и обещания, и даже заботы о муже и коте тут же из головы выветривались, а на первый план выходило очередное расследование.

Подходя к собственному дому, Надежда Николаевна попыталась сосредоточиться на домашнем хозяйстве.

Сан Саныч сегодня пришел пораньше, и супруги провели тихий спокойный вечер. Муж пил чай с испеченным Надеждой лимонным пирогом, гладил кота и выглядел таким умиротворенным и счастливым, что Надежда всерьез задумалась, не бросить ли ей свое опасное хобби. Вот только что тогда делать? Готовить изысканные блюда, причем каждый день разные? Муж-то будет доволен, но вот она обязательно растолстеет. Вязать крючком? Вышивать крестиком? Можно еще лоскутные одеяла шить и дарить их всем знакомым.

Какой ужас!

Надежда расстроилась и ночью спала плохо.

Впрочем, утром, проводив мужа на работу, она и не вспомнила про свои упаднические настроения накануне вечером. Напротив, ей пришла здравая мысль, что прежде всего следует расспросить Нину, и тогда, возможно, все загадки разрешатся сами собой. Наверное, приятельница уже пришла в себя и Надежда сможет ее навестить, передать телефон и что там еще понадобится.

Надежда Николаевна набрала номер больницы. Сначала долго было занято, а когда она наконец пробилась, из трубки доносились унылые длинные гудки.

Надежда терпеливо ждала ответа, стараясь не раздражаться. Больница же, у них всегда так.

В конце концов в трубке раздался долгожданный шелчок и неприязненный, немного простуженный женский голос произнес:

– Святой Сампсоний!

– Добрый день... – начала вежливая Надежда, но голос ее перебил:

– Обождите!

Судя по звуку, трубку положили, и тот же голос заинтересованно произнес:

– Так что ты говоришь? С кем она была?

– С Кондратьевым! Прикинь? – отозвался другой голос, потише.

– С ума сойти! И что ты?

– А что я могла? Сделала вид, что ничего не замечаю...

– А он?

– А он вообще ноль внимания!

– Ужас! А она?

– И она тоже!

– Кошмар! А что потом?

– А потом я ушла...

– Ну это надо!.. Погоди, тут у меня звонит кто-то... кто-то очень настырный...

Трубку снова подняли, и тот же голос повторил, с трудом скрывая раздражение:

– Святой Сампсоний!

На этот раз Надежда не стала отвлекаться на условности и быстро проговорила:

– К вам вчера по «скорой» поступила Нина... то есть Нинель Скоробогатова.

– Так Нина или Нинель? Вы уж определитесь, женщина! Звонят, а сами даже имени не знают.

– Нинель, Нинель... так вот, в каком она состоянии?

– Скоробогатова? – возникла небольшая пауза, затем тот же голос равнодушно произнес: – Скончалась...

– Что?! – ахнула Надежда и едва не свалилась со стула, схватившись за столешницу и уронив на пол чашку.

– Что слышали! Скончалась ваша Скороходова!

– Как – Скороходова? – заторопилась Надежда. – При чем тут Скороходова? Я спрашивала про Скоробогатovu! Про Нинель Валерьевну Скоробогатovu!

– А, Скоробогатова! Говорите четче, вас невозможно понять! Скоробогатова – это другое дело, Скоробогатова пока жива. Состояние средней тяжести, температура нормальная...

– Господи, женщина, что же вы делаете? – проговорила Надежда с облегчением и в то же время с возмущением. – А если бы я была ее близкой родственницей? А если бы у меня инфаркт случился от ваших слов? Нельзя же так!

– Вот не надо этого! Целый день звонят, звонят, и еще какие-то претензии...

– Ладно, проехали, – сухо проговорила Надежда. – Посетить ее когда можно?

– Никаких посещений! – злорадно отрезала дежурная. – Тем более что вы ей не близкая родственница. А в реанимацию вообще не пускают!

– Но передать что-нибудь можно?

– Вот переведут в палату – тогда и передавайте!

– А когда ее переведут?

– Понятия не имею. Звоните и узнавайте! – и дежурная раздраженно бросила трубку.

Надежда тяжело вздохнула и переглянулась с котом, который боязливо заглядывал на кухню. По его наблюдениям, хозяйка была здорово на взводе, раз кричала в телефон и бросала на пол чашки. В таком случае лучше не попадаться ей под горячую руку, можно и полотенцем по морде получить.

Бейсик не слишком Надежду боялся, просто с годами он все больше ценил свой личный покой.

– Дело не выгорело, – сказала ему Надежда. – Нина в себя не пришла, находится в реанимации, к ней не пускают, а больница такая, что запросто залечат.

Кот вроде как пожал плечами, ему было все равно. А Надежда всерьез забеспокоилась о Нинкином здоровье. Но что она может сделать? И правда ведь она Нине никто.

Тогда следует обратиться к тому, кто сумеет о Нине позаботиться, то есть к ее мужу. И неважно, что он бывший, пускай разбирается, в частную клинику ее переводит или еще что.

Она нашла в контактах Нинино телефона имя Сережа и нажала кнопку вызова. В этот раз трубку взяли не в пример быстрее, очевидно, номер был прямой и муж, все же волнующийся о Нинкином здоровье, сбрасывать звонок не стал.

– Нелька, что еще у тебя случилось? Только быстро говори, совещание у меня!

– Здравствуйте, Сергей... – Надежда запнулась, поскольку с Нинкиным мужем они встречались давно и про отчества тогда еще не думали.

– Кто вы такая и отчего звоните по ее телефону?

Из трубки тотчас пахнуло суровым холодом, как из сибирской тундры.

– Я Надя, Надежда Леб... – но тут она сообразила, что ее фамилию он точно никогда не слышал, тем более что муж у нее второй.

– Что с Ниной? Говорите толком, мне некогда! – строго приказал Нинкин муж.

– Она в больнице в тяжелом состоянии! – брякнула Надежда. – Упала, расшибла голову, увезли по «скорой». Сейчас в реанимации.

– В какой больнице? Вы медсестра, что ли?

– Нет, я не медсестра и не нянечка, – отчеканила Надежда. – Я подруга вашей бывшей жены. Я ее и нашла, медиков вызвала. А больница Святого Сампсония, это на Нагорной улице. Я узнавала, состояние тяжелое, в справочной ничего не добиться, может, вам скажут больше? Хоть вещи передать...

– Я понял, – перебил муж. – Пришлю человека к ней на квартиру через час, соберите, что нужно, он все решит. У вас все?

– Нет не все! – рассердилась Надежда. – За час я не успею!

– Тогда через два! Будьте на месте!

– Ни тебе спасибо, ни тебе до свидания, ни еще какого доброго слова, – вздохнула Надежда. – Ладно, съезжу, отдам ключи и забуду про них всех.

Лифт остановился на пятом этаже.

Двери разъехались, Надежда вышла на площадку, шагнула в сторону Нининой квартиры... и тут увидела, что возле ее двери копошится какой-то мужчина, пытаясь открыть замок.

– Павел? – неуверенно спросила она незнакомца, вспомнив, как зовут порученца, которого обещал прислать Нинкин муж.

Мужчина выпрямился и повернулся к Надежде лицом. Внешность у него была неприятная – маленькие пронзительные глазки, низкий покаты лоб, и выражение наглое и одновременно смущенное, какое бывает у человека, которого застали за неблагоприятным, а то и преступным занятием.

Надежда Николаевна шестым чувством ощутила исходящий от незнакомца душок опасности, душок криминала.

– Ага, Павел я, Павел! – проговорил мужчина, фальшиво улыбаясь, и оглядел Надежду с ног до головы, как будто прицениваясь.

У Надежды Николаевны всегда была отличная память, и сейчас она вспомнила, как Нина характеризовала порученца мужа: такой славный парень, вежливый, предупредительный и так далее.

«Ну, возраст у нас с Ниной, конечно, уже солидный, скажем так, – мелькнуло у Надежды, – но все же не стала бы она сорокалетнего мужика парнем называть. И вообще этот тип не подходит под ее определение. Да и у мужа вряд ли есть еще один помощник по имени Павел... Не нравится мне это все!»

Надежда постаралась взять себя в руки и не показать испуга.

– Вас Борис Иванович прислал? – спросила она безмятежным тоном.

– Ага, Иванович... Борис... – подтвердил незнакомец, окончательно убедив Надежду в своих преступных намерениях. Ведь Нинкиного мужа звали Сергей Васильевич. С перепугу она даже его отчество вспомнила.

Сохраняя безмятежное выражение лица, Надежда Николаевна отступила к двери соседской квартиры и незаметно нажала плечом на кнопку звонка.

Из квартиры донеслась птичья трель.

– Это ты чего? – угрожающе проговорил мужчина и медленно двинулся к Надежде. – Это ты зачем?

В ответ на звонок из квартиры донесся оглушительный, захлебывающийся лай.

– Анна Павловна! – крикнула Надежда через плечо, боясь повернуться к незнакомцу спиной. – Анна Павловна, звоните в полицию сию минуту! Скорее! И Рекса выпустите!

Лицо незнакомца перекосилось от страха и ненависти. Прохрипев что-то неразборчивое, он метнулся мимо Надежды и с грохотом побежал вниз по лестнице.

В то же время за спиной Надежды лязгнул замок, открылась дверь и появилась упитанная особа средних лет в шерстяной вязаной кофте с кисточками, позади которой захлебывался истерическим лаем крошечный пес на кривых ножках.

– Что здесь за шум? – проговорила дама, поджав губы. – Вы кто такая, что мешаете людям культурно отдыхать? И я вам никакая не Анна Павловна, а вообще Луиза Прохоровна! И собачка моя никакой не Рекс, а совсем даже Мисюся!

Она подхватила собачонку и прижала к объемистому бюсту. Мисюся последний раз гавкнула, сладко всхлипнула и замолчала, закусив ближайшую кисточку.

– Извините, Луиза Прохоровна, – примирительным тоном проговорила Надежда. – Тут какой-то подозрительный тип ошивался возле Нининой квартиры, по виду – самый настоящий уголовник. Дверь ее открыть пытался. Я испугалась, поэтому вам и позвонила, а он сразу и сбежал.

– Уголовник? – ахнула соседка. – На нашей площадке?

– Ну, я, конечно, не знаю, но очень уж похож. По-моему, настоящий уголовник.

– А вы сама кто будете? – Голос соседки смягчился, но во взгляде еще читалась подозрительность.

– А я Нинина знакомая. Нина ведь в больницу попала, так вот я приехала для нее вещи кое-какие взять...

– Ох, ведь и правда! Я видела, как ее на носилках выносили.

Должно быть, Луиза подглядывала через дверной глазок, подумала Надежда, но не стала развивать эту скользкую тему, зато спросила, не слышала ли та или не видела в тот день чего-нибудь подозрительного.

– Нет, ничего, – ответила Луиза Прохоровна не раздумывая. – Хотя у меня телевизор работал, я могла и не услышать.

Надежда поблагодарила ее (неизвестно за что) и подошла к Нининой двери. Однако, прежде чем открыть ее, остановилась и взглянула под ноги.

На полу перед дверью были видны отпечатки мужских ботинок, должно быть оставленные злоумышленником. Надежда пригляделась к ним. Явно не те, что она видела возле Нины, – гораздо меньше и с другим рисунком подошвы. На всякий случай она их тоже сфотографировала и только после этого вошла в квартиру.

До назначенного времени было еще четверть часа, и Надежда еще раз обошла квартиру. Полила цветы, а кое-какие поставила в таз с водой, чтобы не засохли до возвращения хозяйки. Порадовалась, что у Нины нет домашних животных, а то что бы с ними пришлось делать? Не к себе же брать... Напоследок собрала в пакет мусор, чтобы не оставлять в квартире. При этом ей под руку попался обрывок старой пожелтевшей газеты, в которую был завернут злополучный пазл. Надежда уже хотела бросить его в пакет с мусором, но тут заметила на нем выцветшую, однако вполне различимую фотографию пожилой женщины явно дореволюционных времен, которая, гордо улыбаясь, держала в руках тарелку с клубникой. Гордость на лице женщины была вполне понятна – каждая клубничина была размером с хорошее яблоко.

Надежда невольно заинтересовалась, вспомнив, что ее мать тоже увлекается разведением клубники, и внимательно прочла заметку под фотографией.

Жительница города Новостроево, уездного центра Тамбовской губернии, вдова титулярного советника Марфа Петровна Веточкина увлекается разведением клубники и вырастила на своем огороде необыкновенно крупные ягоды. Лучшие ягоды из своего урожая титулярная советница послала знаменитому писателю Льву Толстому, большой поклонницей которого она является.

«Надо же, какая старая газета, – подумала Надежда. – Лев Толстой еще жив! – А как хорошо сохранилась! Только бумага пожелтела...»

Она продолжила читать.

Корреспондент газеты «Столичные и провинциальные новости»...

Ах, так вот из какой газеты этот обрывок!

...отправился по поручению редакции в Новостроево, где встретился с Марфой Петровной и спросил у нее, как ей удалось вырастить такие большие ягоды.

– У меня свой рецепт удобрения, – сообщила вдова. – Я настаиваю два фунта свежескошенной травы на хлебной корке, добавляю в настой два золотника березовой золы, один золотник селитры...

Надежда подумала, что матери эта заметка наверняка будет интересна, тем более что результат старинного удобрения был налицо, то есть на фотографии. Вон какие огромные ягоды! И рецепт удобрения приводился полностью. Придется только пересчитать фунты и золотники в граммы, но это не составит труда. С головой у матери все в порядке, математику не забыла.

Надежда сунула обрывок газеты в сумку и, открыв платяной шкаф, принялась выкладывать на кровать все по списку, который составила в телефоне, пока ехала в метро. Так, смена белья, полотенце, ночнушка, домашний костюм (встанет же она на ноги), тапочки... Что еще? Ага, зарядка для телефона, расческа, зеркальце... косметику пока не надо... крем для лица... это в ванной... Попалась под руку еще пижама в зайчиках и медвежатах. Надо же, рисунок совсем детский, а размер взрослый, Нинин. На всякий случай Надежда сунула пижаму в пакет, и в этот момент в дверь позвонили.

Обжегшись на молоке, дуешь на воду.

Подойдя к двери, Надежда посмотрела в глазок и заметила светловолосого парня лет тридцати, однако, прежде чем открыть, спросила:

– Кто здесь?

– Это Павел, – ответил блондин, пригладив волосы рукой. – Меня Сергей Васильевич прислал.

Голос у него был низкий и совершенно не подходил молодому человеку.

Надежда открыла дверь, и Павел вошел в квартиру, вытер ноги о коврик, поздоровался.

– Бдительность проявляете? – спросил он с едва заметной насмешкой.

– Ну да. А что? Время такое...

– Вы вещи уже собрали? – Павел недвусмысленно взглянул на часы, показывая, что торопится.

– Почти. Еще немного осталось.

– Вы того... давайте побыстрее, у меня времени мало!

«Можно подумать, у меня много! – обиженно подумала Надежда. – Занимаюсь тут чужими делами, а в ответ никакой благодарности, одно хамство... Ну ладно Сергей, он и правда

занятой человек, хотя хамства я нигде не одобряю, но и этот те же привычки усвоил. Правду говорят: каков поп – таков и приход!»

Она собрала оставшиеся вещи, сложила их в сумку и отдала Павлу. Тот выжидающе уставился на Надежду.

– Что-то еще? – спросила она спокойно.

– А еще Сергей Васильевич просил ключи.

– Ах, ну да, конечно! Мне-то они зачем?

Протягивая Павлу ключи, Надежда подумала, что надо бы еще кое-что отдать, но в это время Павел вдруг достал бумажник.

«Он что, заплатить мне собирается? Как будто я прислуга?» – Удивленная и возмущенная, Надежда так взглянула на Павла, что тот покраснел и торопливо спрятал бумажник в карман.

– Ну все! – Надежда Николаевна последний раз огляделась и задумалась над тем, что раз за разом наступает на одни и те же грабли – берется за чужие дела, помогает малознакомым людям, не получая в ответ ничего, кроме хамства и оскорблений... Но в то же время, если бы Нина ее не позвала посмотреть на сложенный пазл, то не обнаружила бы Надежда свою приятельницу с пробитой головой и не вызвала бы «скорую». А вдруг Нина так и не очнулась бы? Так что доброе дело Надежде зачтется. А на этих наплевать!

Подхватив сумку и накинув пальто, она ушла из квартиры, однако, пока ждала лифт, подоспел Павел, и из подъезда они вышли вместе.

– Вас подвезти? – спросил он, видно сообразив, что к чему.

– Обойдусь, – сухо ответила Надежда и направилась в сторону метро.

Подходя к собственному дому, она вдруг вспомнила, что не отдала Нинин телефон. Собиралась ведь, да тут Павел достал бумажник, она возмутилась и обо всем забыла...

Ну и ладно! Обойдутся без телефона! А в подсознании шевельнулась мысль, что ей Нинкин телефон может пригодиться, чтобы кое-что разузнать...

Съев кусок лимонного пирога, чтобы успокоиться и вернуть самоуважение, Надежда Николаевна уселась на кухне с чашкой кофе. Кот был настолько любезен, что взобрался к ней на колени и даже помурлыкал немного, пока не заснул.

Поразмыслив, Надежда пришла к выводу, что Нина теперь в крепких руках бывшего мужа и, даже если ей станет лучше, Надежду к ней не допустят. Ну, не больно-то и хотелось, сами разберутся. И ей никто не будет мешать разгадывать загадку.

Значит, с чего все началось? Некогого Михаила, с которым Нина договорилась насчет пазлов, не оказалась дома, а его сожительница или соседка перепутала пакеты, и Надежда привезла Нине чужой пазл. Нинка орала, что у нее был заказан рыцарский турнир и что-то японское, а ей привезли какую-то фигню, да еще без картинки.

Надежда хлопнула дверью и ушла, а Нинка от безысходности пазл собрала и пришла в такой восторг, что вызвала Надежду, которая и нашла ее на полу в луже крови. То есть за то время, пока Надежда ехала к Нине, кто-то вошел в квартиру, стукнул Нинку по голове и забрал злополучный пазл.

Теперь ясно, что грабитель был неслучайный и Нина не сидела с открытой дверью. Этот тип замок взломал или позвонил в дверь, представившись, к примеру, сантехником.

Тогда за чем приходил сегодня второй грабитель? Да за тем самым кусочком пазла, который лежал сейчас в кармане Надеждиного пальто! Так что нужно выяснить, что это за пазл такой особенный.

Просмотрев журнал звонков в Нинином телефоне, Надежда решила взглянуть на фотографии. Может быть, они помогут ей лучше понять, что же произошло.

В телефоне хранилось несколько фотографий длинноволосого парня с каким-то постоянным удивлением в близко посаженных глазах – должно быть, Нинкин сын. Он был снят на фоне Тадж-Махала, Золотого храма, Императорского дворца в Киото и каких-то других экзотических восточных достопримечательностей. Также имелось несколько фотографий цветущих роз, бегоний, лилий и ирисов. Наконец, в самом конце альбома, Надежда увидела странную фотографию, на которой был запечатлен удивительный рисунок – несколько концентрических кругов, составленных из сложных и красивых геометрических фигур и узоров, сходились к единому центру, где превращались в спираль.

Надежде в какой-то момент показалось, что эта спираль вращалась, а рисунок на экране сделался объемным, увеличился в размерах и втянул саму Надежду и все, что ее окружало. Ей показалось, что она проваливается в бездонную пропасть – причем эта пропасть была живой, дышала, пульсировала и даже что-то говорила Надежде на непонятном древнем языке...

Много лет назад, в другой жизни, Надежда Николаевна, тогда еще совсем молодая студентка Надя, была на Кавказе и оказалась на краю бездонной пропасти. Далеко внизу клубились косматые облака и летали орлы. У нее закружилась голова, пропасть одновременно пугала ее и странно притягивала, ей хотелось шагнуть вперед и испытать сладкое и страшное чувство полета... Спутники вовремя поняли, что с ней происходит, и оттащили от края пропасти.

Сейчас у Надежды вдруг возникло такое ощущение, что она снова находилась на краю бездны, но в этот раз не устояла перед ее притяжением, шагнула вперед – и теперь летит, летит в бесконечную глубину, летит к самому центру Вселенной...

Внезапно колени пронзила острая боль, Надежда встряхнула головой и очнулась. Оказалось, это кот вонзил в нее все когти.

– Бейсик, ты с ума сошел? Больно же!

Но кот выглядел очень испуганным, глаза горели, а шерсть на загривке стояла дыбом. Надежда осторожно почесала его за ухом, кот спрыгнул на пол и поспешно ушел.

Надежда перевела дух и снова взглянула на снимок – красивый рисунок из концентрических кругов и геометрических узоров. Померещится же такая ерунда!

Эта фотография была сделана совсем недавно, примерно в то время, когда Нина звонила Надежде. Так вот что это такое! Это и есть тот самый пазл, который она собрала и захотела зафиксировать свое достижение. И правда, пазл был необычный, интересный, Надежда таких раньше не видела.

И если даже его фотография так удивительно подействовала на Надежду, то как, должно быть, действует сам пазл! Не зря Нинка была в таком восторге!

И вот что еще было интересно: на фотографии он был собран полностью, ни одна деталь не пропущена, и Нина прямо сказала по телефону, что закончила головоломку.

А ведь одну деталь Надежда нашла у нее в руке...

Вопросы множились, а ответов Надежда не находила и решила заглянуть в Интернет, на тот сайт, где Нина нашла и купила такой необычный пазл.

Вспомнила его название – «Пазломания», набрала это слово в поисковой строке, но во Всемирной сети сайта с таким названием не нашлось. Может быть, Нина что-то перепутала? Но как теперь это выяснить?

Однако не таким человеком была Надежда Николаевна Лебедева, чтобы опустить руки просто так. Оставался еще один путь: поехать по тому адресу, где она получила пазл, найти того самого Михаила и вытрясти из него всю историю.

В конце концов, если бы он сидел дома и сам следил за своими вещами, ничего бы не случилось. Нинка собирала бы свой рыцарский турнир и была бы сейчас жива и здорова.

Сказано – сделано. Надежда быстро, как солдат по тревоге, собралась, приехала на улицу Некрасова, нашла знакомые ворота напротив театра и не успела к ним подойти, как они распахнулись, выпуская длинную черную машину.

Надежда проскочила во двор, миновала двухэтажный флигель, где располагалась какая-то фирма, вошла в подворотню и, остановившись перед той самой железной дверью, нажала на кнопку звонка.

Раздался дребезжащий, какой-то старорежимный звонок, после чего кто-то хриплым, простуженным басом прокричал:

– Открывайте, не заперто!

Надежда пожала плечами, толкнула дверь и вошла внутрь, удивленно застыв на пороге.

Прошлый раз за дверью находились отгороженная невысокой стенкой довольно захламленная прихожая, картонная хлипкая дверь, а за ней собственно квартира. Теперь же здесь не было никаких стенок, все огромное помещение хорошо просматривалось от двери, и Надежда поняла, что помещение напоминает склада антикварной или просто старой мебели. Повсюду в полном беспорядке громоздились ломаные стулья с гнутыми ножками и колченогие столики, обитые зеленым сукном – прорванным и прожженным во многих местах, этажерки и пуфы, которым, на взгляд Надежды, давно пора на помойку...

Она прошла вперед, осторожно лавируя между этими мебельными инвалидами, и оказалась во втором таком же огромном помещении, заставленном также мебельной рухлядью разной степени изношенности. Здесь были предметы покрупнее – платяные шкафы с резными дверцами, дубовые буфеты, на которых красовались виноградные грозди, комоды и бюро из ореха и красного дерева.

Взгляд Надежды на мгновение задержался на застекленной дверце книжного шкафа, которую украшали изящные стеклянные лилии в свинцовой оправе.

Посреди этого мебельного царства, возле верстака, стоял крупный, толстый мужчина лет пятидесяти, в грубом переднике, с длинными седоватыми волосами, собранными в конский хвост. Он оглаживал рубанком какую-то старую доску.

– Вы за козеткой? – проговорил мужчина, повернувшись к Надежде. – Так она еще не готова. Я же вам говорил, что не раньше четверга.

– За какой козеткой? – удивленно переспросила Надежда. – Нет, я не за козеткой... А Миши нет?

– Миши? – На этот раз удивился хозяин мастерской. – Какого Миши? Степаныча, что ли? Так он пятнадцать лет как в Австралию уехал.

– Странно... – протянула Надежда. – Наверное, я ошиблась адресом. Это ведь квартира семнадцать?

– Ну да. – Хозяин отложил рубанок и внимательно пригляделся к Надежде. – А ты Евдокия, что ли? Я тебя сразу и не признал... А Миша тебе тогда ничего не написал?

– Нет, я не Евдокия! – Надежда попятилась, сквозь мебельные руины протиснулась в прихожую и медленно отступила к дверям.

– Если будешь ему писать, передай, что он козел! – крикнул ей вслед хозяин мастерской. – И что я никогда ему не прощу того, что он с тем кабинетом сделал!

Надежда выскользнула наружу и еще раз удивленно огляделась. Нет, она не ошиблась. Подворотня была точно та же, что прошлый раз. Дверь точно та же, на ней – ржавое пятно в форме Африки. «Почему пятно в форме Африки, если Миша уехал в Австралию?» – совсем некстати подумала она. Больше того, на этой двери, как и прошлый раз, был грубо намалеван номер квартиры – семнадцать, а перед входом валялся точно такой же, как прошлый раз, замурзанный коврик. Стало быть, нет тут никакой ошибки.

Но внутри, за этой дверью, все было совсем другое... Надежда вспомнила захламленную бывшую дворницкую и тетку в допотопном халате с застарелым синяком на левой щеке.

Прав был Нинкин муж, когда запрещал ей якшаться с разными сомнительными людьми. Еще хорошо, что она этого Михаила домой не позвала, чтобы пазлы свои получить! А что? Если бы Надежда не согласилась, то такое вполне могло быть. И кто знает, вполне возможно, что все закончилось бы хорошо и Нинка сейчас была бы жива-здоровая.

Тут она с некоторым стыдом вспомнила, что зажилила чужой телефон и теперь ей не позвонить и не узнать, как там Нина, пришла ли в себя.

Надежда еще раз со злостью взглянула на дверь под номером семнадцать и едва сдержалась, чтобы не пнуть ее.

Проходящая мимо женщина в поношенном пальто, мохеровом малиновом берете и с большой хозяйственной сумкой вопросительно взглянула на Надежду:

– Вы что-то ищете?

– Да, то есть нет... Вы не скажете, давно здесь эта мастерская?

– Мастерская-то? Это вам надо у кого-нибудь другого спросить. Я-то сюда только десять лет как переехала, так тогда она уже была...

– Десять лет? – переспросила Надежда.

Но женщина, не ответив, пошла вперед, и Надежда потащилась за ней, порядком оглушенная этим фактом.

Надежда Николаевна была женщиной грамотной и достаточно образованной, чтобы не верить в разные чудеса. И в силу воспитания и собственной профессии всегда стояла на сугубо материальных позициях, так что в данном случае были возможны, как в старом анекдоте, два варианта.

Первый: у Надежды начались глюки. Пригрезился ей и вчерашний день, и дворницкая, и тетка в халате. Не была она в этом дворе! Но этот вариант Надежда категорически отметала, поскольку видела коробку от пазла, знала, что Нина его собрала, и у нее, Надежды, в кармане завалился один кусочек.

Второй вариант: налицо чей-то злой умысел. А что такого? Выбросить хлам из дворницкой и заполнить ее старой мебелью можно часа за два. Да, но местная жительница утверждала, что мастерская находилась здесь давно, уж лет десять точно.

Минуточку... А где эта женщина? Вот только что шла впереди в этом жутком малиновом берете – и вдруг исчезла.

Надежда завертела головой. Вот двор, вот песочница, вот чистенький флигель, вон черная машина из ворот на улицу выезжает... Надежда ускорила шаг. Машина выехала, ворота закрылись, во дворе не было ни души. Куда она делась? Выйти не успела, Надежда буквально за ней шла. На машине уехала? Ага, в таком берете и поношенном пальтеце села в дорожную машину...

Надежда пожалала плечами и вышла на улицу. Показалось ей или нет, что ворота злорадно скрипнули вслед?

Войдя в квартиру, Надежда Николаевна первым делом заметила, что кот чем-то шуршит в углу прихожей.

– Бейсик, что там у тебя? – машинально спросила она и протянула к коту руку.

Бейсик мгновенно отскочил и прижал уши. Он явно пребывал в игривом настроении и вообразил, что хозяйка в кои-то веки составит ему компанию в подвижных играх. Однако у Надежды не было настроения играть с котом, она даже сапоги не сняла. Впрочем, опытные владельцы домашних животных знают, что любую бумажку, с которой играют их любимцы, нужно тотчас проверять. Это может оказаться счет за электричество или рецепт на дорогое лекарство, и потом набегаясь, пока восстановишь.

Так что Надежда быстро подошла к коту и наклонилась, чтобы посмотреть, с чем тот играл.

Это оказался обрывок пожелтевшей дореволюционной газеты, которую она взяла в квартире Нины Скоробогатовой, чтобы показать матери рецепт удобрения для клубники.

– Бейсик, это нужная бумажка! – проговорила она строго. – Кто тебе позволил ее драть? И как ты ее достал?

Надежда точно помнила, что положила вырезку в ящик тумбочки тут, в прихожей. И каким же образом кот сумел выдвинуть ящик?

Бейсик недовольно фыркнул и очень выразительно посмотрел на Надежду – мол, если эта старая бумажка для тебя дороже кота, то о чем с тобой вообще можно разговаривать? И нечего разбрасывать нужные вещи где попало!

– Ты еще будешь меня воспитывать! – проворчала Надежда, разглаживая обрывок. – Мало мне мужа!..

При этом она случайно бросила взгляд на обратную сторону вырезки и увидела удивительно знакомый рисунок – концентрические круги, сложные и красивые геометрические фигуры и узоры, сходящиеся к единому центру и превращающиеся в спираль...

Точно такой же рисунок был на фотографии в Нинином телефоне.

Надежда вспомнила, какое странное чувство испытала, впервые его увидев, и невольно схватилась за деревянную вешалку, чтобы сохранить равновесие. Впрочем, на этот раз она не почувствовала головокружения, не испытала ощущения, что падает в бездонную пропасть, – да это и неудивительно. Фотография в старой газете была нечеткая, размытая, да еще и выцветшая от времени, а местами по ней прошли когти Бейсика, усугубив разрушительные процессы. Так что рисунок наверняка не обладал тем удивительным воздействием на человека, которое в прошлый раз пережила Надежда.

Интересно, откуда эта фотография в дореволюционной газете?

В прихожей было темновато, и Надежда Николаевна отправилась в кабинет мужа, разложила газетный обрывок на столе, разгладила его и включила настольную лампу.

Под фотографией удивительного рисунка размещалась заметка. И пусть текст пострадал от времени и кошачьих когтей, но общий смысл Надежда все же поняла.

В Санкт-Петербург с какой-то важной благотворительной миссией приехал высокопоставленный буддийский священнослужитель, который провел в буддийском храме на Приморском проспекте торжественное богослужение, где присутствовал знаменитый восточный целитель доктор Бадмаев.

Также в храме публике была впервые представлена знаменитая древняя мандала «Царство света», которая произвела на присутствующих чрезвычайно сильное впечатление, а корреспонденту позволили даже сделать ее фотографию, которая и была размещена в газете.

На этом заметка обрывалась, а ее продолжение, судя по всему, находилось на оторванной части газеты. Зато в самом низу размещалось выделенное жирным шрифтом начало другого сообщения.

Этот номер газеты только отправился в печать, как мы получили экстренное сообщение о кровавом преступлении на Приморском проспекте...

Надежда закусила губу. Мало того что она нашла дореволюционную газету, в которой упоминался и даже был опубликован снимок удивительного узора. Так в той же газете сообщалось о каком-то преступлении, случившемся в то же время и в том же месте и наверняка с этим узором связанным. Но что это было за преступление? Судьба как будто нарочно дразнила Надежду, намекнув на разгадку, спрятанную от нее в газете вековой давности.

Надежда снова почувствовала явственное покалывание в корнях волос.

Не то чтобы все прояснилось, но хотя бы наметился слабый след, по которому нужно идти.

Она не отступит! Она разгадает эту загадку, как уже разгадала множество других!

Эрнст Шеффер, начальник экспедиции, остановился. Воздуха не хватало, сердце билось где-то в горле, перед глазами мелькали белые мухи, но вокруг была такая красота, что ради нее не жалко было умереть. Синие тени мазками берлинской лазури покрывали складки гор, вершины их накрывали снеговые шапки, сверкавшие под бледным солнцем, как груды алмазов. Впереди, безостановочно и неутомимо, как живой механизм, шагал проводник из горного племени кханпо. Имя его Шеффер не мог выговорить, как ни старался, и называл Гансом. Проводник не возражал.

Сзади плелись остальные участники экспедиции. Видно было, что они идут из последних сил, особенно Фридрих Шульц, энтомолог. Накануне он подвернул ногу и сейчас едва поспевал за остальными.

Шеффер и сам вымотался до последней степени, все тело болело, легкие разрывались от скудного, разреженного воздуха – но Шульцу было куда хуже.

– Постой, Ганс! – окликнул Шеффер проводника.

Горец неохотно остановился, обернулся.

Худое, выдубленное ветром и безжалостным горным солнцем лицо цвета земли и камня казалось невозмутимым и непобедимым, как скала. Блекло-голубые глаза светились на нем, как две узкие льдинки.

– Что случилось, сахиб?

– Нужно немного отдохнуть, – проговорил Шеффер, с трудом отдышавшись.

– Нельзя, сахиб! Никак нельзя. Непременно нужно до темноты дойти до дацана.

– Мои люди вымотались. Им нужно хоть полчаса отдыха, иначе они не дойдут.

– Если мы не дойдем до темноты, будет плохо, совсем плохо.

– Да что такое? Разобьем палатки на пологом месте, переночуем, а утром пойдем дальше.

– Нельзя, сахиб. Здесь нельзя ночевать.

– Да почему нельзя?

– Плохое место, сахиб. Очень плохое.

– Чем уж оно такое плохое? Красивое место, ничем не хуже других.

– Нет, сахиб, хуже. Видишь, вон там, справа, камни?

Шеффер посмотрел туда, куда показывал проводник. Там и правда возвышалась горка камней.

– Что это?

– Там похоронен могучий бонпо. Колдун по-вашему, или шаман.

– Ну и что?

– Здесь нельзя оставаться в темноте. Мой... как это по-вашему... двоюродный брат шел здесь по следам потерявшегося яка, не успел уйти до темноты, остался ночевать. Потом его нашли пастухи. У него было вырвано сердце. Вырвано и съедено.

– Что за ужасы ты рассказываешь! – скривился Шеффер.

Его невольно передернуло, однако история подействовала, он повернулся к своим спутникам и проговорил:

– Соберемся с силами, господа! Нам осталось совсем немного!

Все дружно застонали, только Шульц промолчал, у него просто не было сил.

И снова они поплелись вперед, с боем завоёвывая каждый метр каменистой тропы, вьющейся по склону, и снова впереди маячила сухощавая фигура проводника...

Солнце быстро катилось вниз.

Вот оно коснулось горной гряды, и горы окрасились в цвет бургундского вина. Проводник остановился, подождал, пока Шеффер догонит его, и проговорил:

– Теперь уже скоро, сахиб.

Шеффер оглядел горы.

Нигде не было никаких признаков дацана, вообще никаких признаков человеческого жилья.

– Я ничего не вижу...

– И не увидишь, сахиб. Святые отцы так укрыли свой дацан, чтобы чужие не нашли его. Но я знаю, куда нужно идти. Теперь только не отставай от меня и своим людям вели не отставать.

Шеффер оглянулся на членов экспедиции.

Те брели из последних сил, растянувшись в длинную цепочку. Последним шел Шульц, он едва тащился, лицо его было белым как мел.

– Еще немного! – крикнул Шеффер, пытаясь подбодрить умирающих от усталости людей. Они его, кажется, не услышали.

Проводник легко, как будто не было всего этого невыносимого перехода, вскарабкался вверх по крутому склону, ухватился за искривленный куст, каким-то чудом выживший в этом бесплодном, безжизненном месте – и вдруг исчез.

Шеффер не поверил своим глазам, моргнул, но проводника и правда не было.

Что за чудеса?

Для начала Надежда включила компьютер и посмотрела, что значит встретившееся ей в заметке слово *мандала*.

С этим проблем не было.

Всезнающий Интернет тут же сообщил, что мандала – это сложная геометрическая фигура, используемая в буддийских и индуистских религиозных обрядах, обычно представляющая собой систему концентрических кругов и других фигур, зачастую напоминающих форму лотоса.

Мандала обычно интерпретируется как модель Вселенной и ориентирована по четырем сторонам света. Соответственно на четыре части она и разделена, причем с каждой стороны имеет отдельные ворота, или вход.

Дальше следовали рассуждения о том, что представляют собой эти ворота, а также что символизирует каждый из кругов, составляющих мандалу.

Надежда эти рассуждения благополучно пропустила и прочла конец статьи, где говорилось, что мандалы бывают как плоскими, так и объемными; что их вышивают на ткани, рисуют на песке, делают из металла, камня, дерева ценных пород и даже из теста или масла, окрашенного в разные цвета.

– И из кости... – пробормотала Надежда Николаевна, положив перед собой фрагмент пазла, который нашла в руке Нины. С обратной стороны он был желтоватый и чуть шероховатый – точно кость.

Песчаные мандалы, сообщал далее Интернет, сразу же после их создания разрушаются, что символизирует кратковременность и мимолетность жизни. Но встречаются и древние мандалы, существующие многие сотни лет и чрезвычайно почитаемые правоверными буддистами и индуистами.

– Ага, встречаются, – пробормотала Надежда.

Теперь она знала, что Нинкин пазл и есть мандала. И, судя по рисунку, именно та самая древняя, называемая «Царство света». Или ее копия.

Надежда Николаевна максимально увеличила фотографию на телефоне и определила, что имевшийся у нее фрагмент пазла из самой середины. Да, без него мандала явно не закончена, а стало быть, не имеет своей силы.

Но куда этот пазл пропал?

Ответа на этот вопрос она по-прежнему не знала и даже нисколько не приблизилась к нему. Зато у нее появился еще один вопрос, который будоражил воображение: что за кровавое преступление случилось сто с лишним лет назад на Приморском проспекте?

Что-то подсказывало Надежде, что это преступление каким-то образом связано с мандалой, а значит, и с сегодняшними событиями.

Для начала Надежда Николаевна попыталась в том же Интернете поискать материалы, связанные с газетой «Столичные и провинциальные новости», и без труда нашла статью, из которой узнала, что газета издавалась с тысяча девятьсот второго по тысяча девятьсот одиннадцатый год, выяснила фамилии владельца, главного редактора и даже нескольких ведущих журналистов, среди которых были и довольно известные. Однако никаких ссылок на материалы этой газеты в Сети не было – наверное, большая часть номеров не уцелела, а те, что уцелели, пока что не были оцифрованы.

Что же делать?

Конечно, Интернет и цифровые технологии – это замечательно, но существовали и такие традиционные способы получения информации, как библиотеки, и Надежда решила отправиться в одну из них, а именно в БАН, Библиотеку Академии наук на Биржевой линии Васильевского острова.

Эта библиотека являлась одной из крупнейших в стране и даже в мире, но в данный момент особенно важным для Надежды было то обстоятельство, что в ней находился самый большой в Петербурге газетный фонд.

В советские времена все научные сотрудники и мелкие начальники НИИ, в котором работала Надежда, по крайней мере, раз в неделю ездили в БАН. Они так и говорили остальным: «Я в бане». И поди проверь, что имеется в виду – библиотека или сауна.

Надежда тоже время от времени ездила в эту библиотеку за нужной технической информацией и вскоре познакомилась и даже подружилась с тамошней сотрудницей Леной Завирушкиной.

С тех пор Лена стала Еленой Петровной, начальницей отдела, но дружба между женщинами сохранилась.

Надежда нашла в записной книжке Ленин телефон, договорилась о встрече завтра в одиннадцать часов, после чего окунулась в домашние заботы.

Вернувшийся с работы муж восхитился, увидев накрытый стол, где соседствовали запеченная рыба, воздушное суфле из брокколи и картофельное пюре, приготовленное по особому рецепту.

Надежда и сама не ожидала от себя подобных изысков, а уж Сан Саныч просто пришел в восторг.

– Как хорошо, Надя, что ты бросила работу, – сказал он. – Раньше ты была нервная, всегда торопилась, ничего не успевала, а теперь твой характер стал гораздо лучше.

Надежда отвернулась, чтобы проницательный муж не заметил, как заблестели ее глаза, потому что у нее появилась цель. А вот когда не надо было выяснять, разбираться, отслеживать, разгадывать – тогда Надежда становилась скучной, раздражительной и ворчливой. Но главное – чтобы муж ничего не заподозрил.

К зданию на Биржевой линии Надежда подъехала без пяти одиннадцать. С Завирушкиной она созвонилась по дороге, и та уже ждала ее возле служебного входа.

– Привет, давно не видались! – проговорила Надежда, увидев старую знакомую.

– Привет-привет! – ответила Елена, и глаза ее заинтересованно блеснули. – И каким же исследованием ты сейчас занимаешься?

– Что? – переспросила Надежда, невинно хлопая глазами. – О чем ты говоришь?

– Да не нужно мне заливать! Весь город давно знает, что ты – детектив-любитель.

– Да откуда? – возмущенно завопила Надежда. – Мы с тобой сто лет не виделись! И общих знакомых у нас нет!

– Да? – прищурилась Завирушкина. – Забыла, как пол-института вашего ко мне ходило? А за кем я замужем?

Точно. Только сейчас Надежда вспомнила, что Ленка в свое время вышла замуж за тихого очкарика Толю Завирушкина, который из института сразу уволился и перешел на преподавательскую работу. Теперь Толя был уже профессором, публиковал научные работы. Денег, конечно, зарабатывал немного, зато ездил на разные конгрессы и студенты его уважали.

– И что? – рассердилась Надежда. – Муженек твой никогда сплетником не был.

– Ой, у него в институте приятель один остался, и ходили мы тут к нему на день рождения. Ну, всех вспоминали, кто-то про тебя и сболтнул. И вообще, Надежда, имей в виду, что тайное всегда становится явным.

– Да мне главное, чтобы муж не узнал, – заныла Надежда. – И вообще, я тут совершенно по другому делу.

– Ладно, если не хочешь рассказывать – не надо. Я не любопытная. Чем тебе помочь?

– Мне нужно посмотреть подборку газеты «Столичные и провинциальные новости».

– Увы, саму газету ты не сможешь увидеть. Все экземпляры погибли во время большого пожара в восемьдесят восьмом году прошлого века. Тогда у нас пропало больше половины всего газетного фонда. А какой у нас был фонд! Один из лучших в мире!

– Да что ты говоришь? – охнула Надежда. – Выходит, я зря сюда приехала? – Но тут же спохватилась и добавила: – Ну не зря, конечно, зато мы с тобой увиделись...

– Да не оправдывайся! – усмехнулась Завирушкина. – Я тебя вполне понимаю, у меня тоже нет свободного времени на общение. Кстати, могу тебя утешить. Может быть, ты и не зря потратила время. Часть номеров той газеты мы до пожара успели сохранить на более надежном носителе...

– Каком? Тогда ведь не было компьютеров!

– Компьютеров не было, но существовала техника фотокопии.

Надежда вспомнила, что и сама в прежние, докомпьютерные времена читала многие научные и технические издания в фотокопиях. В библиотеке были специальные устройства, которые увеличивали микрофильмы с копиями технических журналов и выводили их на подсвеченный экран, где их можно было прочесть.

– Выходит, у вас еще сохранились устройства для чтения микрофильмов?

– Конечно. Я тебя сейчас провожу.

Лена привела Надежду в полутемный зал, где несколько человек сидели перед громоздкими устройствами и читали материалы на подсвеченных экранах. В углу, за отдельным столом, сидела сотрудница библиотеки, которая при виде Завирушкиной вскочила – видно, та была большим начальством.

– Как, ты говоришь, называется газета?

– «Столичные и провинциальные новости».

Лена подвела Надежду к свободному месту и набрала какой-то код на пульте управления.

– Ну, вот твоя газета. Теперь можешь пролистывать номер за номером, пока не найдешь то, что тебе нужно. Если будут какие-то вопросы, Варвара Степановна тебе поможет, – Лена кивнула на дежурную.

– Спасибо.

– А я пойду, у меня много работы. Рада была повидаться. Если еще что-то понадобится – звони!

Надежда устроилась перед экраном и только теперь осознала, что не знает, какой номер газеты ей нужно искать и даже за какой год.

Она задумалась.

Газета издавалась с тысяча девятьсот второго по тысяча девятьсот одиннадцатый год, но в заметке о клубнике был упомянут Лев Толстой, а значит, этот номер вышел еще при его жизни, то есть до ноября тысяча девятьсот десятого года. И все равно оставался очень большой промежуток времени.

Тогда Надежда обратила внимание, что в газетной статье был упомянут знаменитый восточный целитель Петр Бадмаев, и сделала о нем запрос в Интернете.

Вскоре выяснилось, что целитель с тысяча девятьсот пятого по тысяча девятьсот девятый год находился в Забайкалье, где занимался научными изысканиями и торговлей с местными жителями.

Отлично, значит, время поиска сокращается.

Надежда стала просматривать номера газеты с середины тысяча девятьсот девятого года по осень тысяча девятьсот десятого.

На ярко освещенном экране один за другим перед ней проплывали номера старой петербургской газеты, и в августовском номере за тысяча девятьсот девятый год Надежда Николаевна нашла искомую статью.

Наскоро прочитав о прибытии в Петербург знаменитого буддийского ламы, она перешла к экстренному сообщению, которое в последний момент было напечатано в том же номере.

Этот номер газеты только отправился в печать, как мы получили экстренное сообщение о кровавом преступлении на Приморском проспекте.

Сегодня утром служитель, первым открывший двери буддийского храма, был поражен представшим перед ним зрелищем: на мозаичном, украшенном восточными узорами полу в луже крови лежал мертвый человек.

На место преступления были вызваны сотрудники уголовной полиции во главе с известным сыщиком Ватутиным, которые выяснили, что убитый – сторож храма, мещанин Иван Туктамаев, из бурят, буддийского вероисповедания.

Также сыщик Ватутин установил, что из храма была похищена большая ценность – та самая священная буддийская мандала «Царство света», которая накануне была представлена в храме при большом стечении публики.

Сторож Туктамаев был убит ударом тяжелым тупым предметом по затылку. Смерть, судя по всему, наступила мгновенно. Орудие убийства не найдено.

Судя по тому, что следов взлома не обнаружено, сторож сам впустил в храм убийцу, то есть был с ним хорошо знаком. Сыщик Ватутин поговорил с нашим репортером. Мы приводим его слова полностью:

– Не сомневаюсь, что сторож Туктамаев хорошо знал своего убийцу. Значит, тот был его единоверцем, а может быть, и земляком, бурятом. Так что мы первым делом проверим всех петербургских бурят. Их не так много, так что я думаю, что мы скоро найдем злоумышленника. Целью преступления было, конечно, желание завладеть священной реликвией. Вы же понимаете, чужая душа – потемки, а особенно душа восточного человека. Так что будем искать мандалу, и когда найдем ее – найдем и убийцу.

Надежда просмотрела еще несколько номеров газеты за последующие дни. Первое время в них непременно писали о расследовании преступления в буддийском храме и уделяли этому половину газетной полосы. Однако расследование застопорилось, никаких новостей из полицейского управления не поступало, энтузиазм сыщика Ватутина и его уверенность в победе уменьшались, да и интерес публики явно убывал, так что заметки становились все меньше и меньше, пока газета совсем не забыла о загадочном преступлении.

– Значит, не вышло ничего у сыщика Ватутина, – вздохнула Надежда, – нечего было и хвастаться. Не нашли, значит, убийцу мещанина Туктамаева, и мандала пропала.

Неужели это та самая, которую Надежда держала в руках, а Нина собрала? И вот она снова бесследно пропала...

Надежда еще немного полистала газету и поняла, что больше ей здесь делать нечего. А на выходе она снова столкнулась с Леной Завирушкиной.

– Я на обед! – обрадовалась та. – Пойдем со мной?

Обедала Лена в небольшом уютном кафе неподалеку.

– Раньше, бывало, вы чай в закутке у себя пили... – улыбнулась Надежда.

– Все в прошлом! – рассмеялась Лена. – Я же теперь начальница, мне с ними чай пить не по статусу.

Надежда заказала салат с курицей, а Лена – пасту. Надежда поглядела на приятельницу с завистью – Ленка всю жизнь была худа, как щепка, ни полразмера с юности не прибавила.

Заказ принесли быстро, Лену тут хорошо знали. Курицу в салате пришлось искать долго, зато зелени было в избытке. Надежда давилась сухариками, а Ленка поглощала огромную тарелку пасты с грибами и самозабвенно болтала.

Про детей, про старых друзей, про общих знакомых.

– Да, а ты знаешь про Нинку Скоробогатову?

– Что? – У Надежды от неожиданности дрогнула рука, и лист салата упал прямо на юбку.

– Ну Нинка, то есть Нинель! Вы же учились вместе, неужели не помнишь ее?

– Помню, – осторожно ответила Надежда, снимая лист. Надо же, вроде и масла в салате нет, а пятно осталось. Теперь ни за что не отстираешь.

– Представляешь, она...

– Ногу сломала? Что-то я слышала.

– Да нет, то есть да, ногу сломала, точно. А потом к ней ворвались какие-то бандиты, дали по голове и ограбили! Вынесли всю квартиру подчистую!

– Да неужели? – ахнула Надежда. – А откуда ты...

– Ой, тут такое дело! – Ленка энергично замахала руками. – Понимаешь, у меня сестра двоюродная работает в частной клинике администратором. Клиника крутая, простым людям делать в ней нечего, цены заоблачные. У них и стационар есть, а Скоробогатовы там всей семьей лечатся – и он сам, и жена его теперешняя, и Нинка. Ну, сестра мне и звонит – знакомую твою привезли.

– Как она? – встрепелась Надежда. – В сознании?

– Ну да, голова разбита сильно, но вроде бы с мозгами все в порядке, даже сотрясения нет. Представляешь, какая-то дура-соседка, которая ее нашла, вызвала обычную «скорую». Ну, Нинку и закатали в какую-то дыру, она говорит – ужас полный!

«Вот как, – подумала Надежда. – Значит, какая-то дура-соседка... Ну-ну...»

– Надя, ты чего морщишься? – забеспокоилась Лена. – Салат невкусный?

– Да что-то мне... давай кофе закажем!

От кофе, как всегда, заметно полегчало, и Надежда подумала, что, к счастью, можно выбросить этих Скоробогатовых вместе с их проблемами из головы и больше никогда с Нинкой не встречаться. А телефон ее выкинуть в помойку!

– Надо же, какая идиллия! Муж-то у Нинки бывший, а заботится о ней, денег не жалеет, в одну клинику с актуальной женой записал... – не удержалась она.

– Да ты что, Надежда, не в курсе? – Лена призывно махнула рукой официантке, чтобы та принесла еще кофе. – У них же бизнес общий! Понимаешь, когда он начинал, то продал квартиру и на эти деньги быстро поднялся. А квартира-то была Нинкина, ей какая-то двоюродная тетка оставила. Ну, вот с этого и пошло. Так что теперь какая-то доля акций в его бизнесе – ее.

– Ну надо же, я и не знала.

– А ты сама посуди: какой мужик будет так о своей бывшей печься? Это же извращение какое-то!

– Верно. Только непонятно, откуда ты такие подробности знаешь? Вы ведь с Ниной никогда подругами не были!

– А, да это все знают! Она в клинике болтает про себя направо и налево, причем в подробностях. Рассказала даже, что сын у нее не от мужа, а от другого! Она его как-то в клинику приводила на анализы. Доктор ее приватно спрашивает: как так? А Нинка смеется: да что там скрывать, муж в курсе! В свое время поступил благородно – на ней женился и сыну свою фамилию дал.

– Ну и ну! – Надежда подумала, что у Нинки точно не сотрясение мозга, поскольку сотрясать там нечего. Это же представить невозможно, чтобы такие интимные вещи про себя трепать направо и налево незнакомым людям!

– Это потому, что они обслуживающий персонал за людей не считают. Так сестра говорит, – пояснила Лена.

Надежда вспомнила «дуру-соседку» и согласилась.

Вернувшись домой, Надежда Николаевна первым делом нашла Нинкин телефон, чтобы выбросить, но что-то ее остановило от немедленной экзекуции.

Телефон уже давно разрядился, но к нему подходила зарядка от телефона Надежды, и она решила на всякий случай проверить звонки и сообщения.

Как только аппарат оказался подключен к сети, он тут же несколько раз громко пискнул, сигнализируя о полученных сообщениях.

Три из них были от абонента по имени Михаил.

Надежда насторожилась.

Наверняка этот тот самый Михаил, у которого она должна была забрать злополучный пазл. Тот самый Михаил, который назначил встречу в таинственной квартире, а та через несколько дней пропала неизвестным образом, превратившись в не менее таинственную мастерскую. Тот самый Михаил, вместо которого она встретила подозрительную особу в бигуди...

Надеясь, что Михаил поможет ей разгадать хотя бы часть накопившихся за последние дни загадок, Надежда торопливо открыла сообщения одно за другим.

Первое сообщение было лаконичным: «Непременно нужно с вами встретиться».

Второе – подлиннее и более конкретное: «Произошла ошибка. У вас не тот пазл. Непременнo нужно встретиться, чтобы обменять его».

Третье – еще более конкретное: «Почему вы не отвечаете? Обязательно нужно встретиться!!! Приходите сегодня в 15.00 в кафе «Братец Кролик» на Петроградской стороне. Не забудьте пазл!!! Обязательно! А я вам отдам ваши!»

Три восклицательных знака, да еще дважды повторенные, говорили о том, что Михаил был очень заинтересован в этой встрече и что ему позарез нужен был злополучный пазл. А самое главное – он понятия не имеет, что пазл пропал. Стало быть, это не Михаил приложил Нинку по глупой голове, и Надежда может этим воспользоваться и кое-что разузнать.

Тут же перед глазами встал рассерженный муж, который грозно шевелил губами и сверкал очами, но Надежда потрясла головой, и видение исчезло.

До назначенного Михаилом времени оставалось полтора часа. Правда, пазла у Надежды не было, хотя... кто об этом знает, кроме нее самой? Михаил точно не знает, а это значит...

Надежда перерыла платяной шкаф и нашла пустую коробку из-под летних босоножек. Завернула ее в газету, положила в полиэтиленовый пакет. Ну, по крайней мере, с первого взгляда Михаил не определит, та это коробка или не та.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.